

COMMENTAIRE COMPOSÉ DE LITTÉRATURE RUSSE ET COURT THÈME

Commentez, **en russe**, le texte suivant :

ГЛАЗА

— Ты — собака.

Шелудивый тулуп — был, быть может, белый. На хвосте, в обвислых патлах¹, навек засели репы. Одно ухо-лопух вывернуто наизнанку, и нет сноровки даже наладить ухо.

5 У тебя нету слов: ты можешь только визжать, когда бьют; до хрипу брехать, когда велит хозяин; и выть по ночам на зеленый горький месяц.

10 Но глаза... зачем у тебя такие прекрасные глаза? Поднимаешь глаза вверх, глядишь глазами в самое мое нутряное нутро, мы говорим глазами в глаза, и я знаю: ты — древняя, мудрая, мудрее нас. Быть может, ты некогда была человеком, и ты им будешь вновь. Но когда же ты будешь?

Седой хозяин держал тебя на цепи, в грязной конуре. Ты лакала помои из грязной черепушки. Ты грызла хозяйские оглодки. И ты ретиво стерегла хозяйское добро.

15 Помнишь: жаркий день, тарантас посередь двора, навалили ковры, самовары — и уехали. Ты ждала. Разгуливала по двору красноухая клюшка, поглядывала одним глазом на коршуна вверх, собирала индюшат под крылья. Накрыла конуру тень от водовозки: тарантас все не возвращался. И помнишь: наутро ты вцепилась в красноухого индюшонка, схряпала² мигом — и только одни белые, обрызганные красным, перья у конуры.

20 И как потом плеткой-двухвосткой хлестал по глазам хозяин. Совсем близко была его налитая, в седых кустах, морда, но ты не вцепилась: ведь это был хозяин. И только из глаз точились тихие собачьи слезы, пролагали желтые желобки от углов глаз к носу.

25 А наутро — помнишь? — прижавши морду к земле и засунув хвост между ног, ты по грязи ползла хозяину навстречу, виляя задом, ты лизала хозяину руку. И когда милостиво потрепали по загривку — ты радостно повалилась на спину — прощена! — ты шурилась и дрыгала ногами, ты звенела цепью и наружу вывалила весь свой срам.

30 От одной с собачьим месивом черепушки до другой — ты меряла время. От жарыни желтел на дворе просвирник. Солнце — огненный пес — распылив красную пасть, пыхало пылом прямо в тебя. Не в силах скинуть шелудивую шубу — ты задыхалась, у своей конуры лежала как мертвая, и только жил, ходил ходуном высунутый наружу язык.

35 Но пришел во двор — ты помнишь? — щуплый, прыщавый человеческий щенок. Ты забыла все, ты вздыбилась на дыбы — душил ожерелок³ — хрипела и бешено, с

¹ Пátлы, патл, жен. (прост.). Длинные прямые растрепанные, торчащие пряди волос, лохмы.

² Сожрала.

³ Ошейник

пенной лаяла: прыщавый был чужой, был хозяину недруг, хоть вместе с хозяином заглядывал он в курник⁴, в выход, в каретный сарай.

Больше ты не видела седого хозяина: он непонятно исчез, как вечерами непонятно для тебя исчезало солнце за каретным сараем. Утром — помнишь? — тебе принес черепушку уже тот, прыщавый; в черепушке был кус тухлого мяса. С урчанием ты проглотила мясо и, волоча брюхо в пыли, по-червиному, ползла ему навстречь и лизала ему руки,— тому самому, на кого вчера бешено брызгала пеной: ведь это он, прыщавый, он, великий, повелевал теперь черепушкой. И не все ли равно, кто тобой владеет? Была бы поганая черепушка полна.

Твой новый хозяин — был затейщик. Вечера,— ты помнишь? Пахло из закуты⁵ парным молоком, шуршали, примасчивались на нашесте куры, а тебя дразнили огрызком сахара и кричали: служи! Как к небу — к слюнявому огрызку сахара — ты поднимала глаза, свои человечьи глаза, и, звеня цепью, неуклюже плясала на задних лапах из-за слюнявого огрызка сахара. Ты помнишь вечера? Богомольно вздыхала корова, хрустела сладкой свекольной ботвой. А тебя для потехи спускали с цепи, травили тебя на кошку: ату ее! И, однажды,— ты помнишь, ты никогда не забудешь: кошка увязла в щели под забором, раз! — прыжок — и ты, урча, уже мотала головой, рвала и вгрызалась в кошкино брюхо, а прыщавый гоготал, и кагакали в курилке взбуженные гуси, индюшки и куры. А потом усталая, у входа в конуру, ты звенела цепью и сосала слюнявый огрызок сахара. Но глаза были зажмурены, чтоб не видно было, что они похожи на человечьи, и всю ночь ты вздыхала: о чем вздыхала?

От черепушки до черепушки ты меряла время. Твой собачий мир — конуру, водовозку и каретный сарай — накрыло серым, сырым веретем — осенним небом: ты мокла покорно. Вылезало солнце, в трех багровых студенох кругах — багровое, как кровь загрызенной кошки: ты треской тряслась от стыди. Ты покорно таскала сосульки на шубе; кололи, лечь было нельзя — ты покорно таскала, пока сами собой не растопились сосульки, пока юркие, как ящерицы, не зажурчали ручьи, не поволокли навозные комья вон со двора. Своими глазами — человечьими — ты глядела весь день на солнце, за солнцем ходила кругом конуры — ходила весь день, звенела ржавой цепью. И закрутилась, запуталась вокруг шеи, ты рванула — и лопнула цепь.

Секунду стояла остолбенело — и эх! — взвилась. Через забор, по талым сугробам, с мокрым брюхом — пар валом валит — ты носилась, пьяная от солнца, от воли, от чуть приметного парного курева земли из-под снега. И где-то под голым, черным еще, переплетом сирени на синем небе, где-то ночью в проулке, на кучах теплой золы, среди пьяных весною и волей...

Черепушки не было, нечем было измерить время: может — день, может — месяц. Но это не был день: уж слишком жестоко голод закорючивал⁶ в брюхе кишки.

И ты помнишь: ветер с духом горьких сиреневых почек, на заборе — галочий гам. Облезлым боком ты вжималась в самый мокрый забор и, засунув хвост между ног, плелась, плелась. Оборванная цепь лязгала по земли.

На дворе — огарнули⁷ тебя с гоготаньем: ага-а! Ты легла у старой конуры и подставила шею. Прыщавый напялил на тебя новый, сверкающий ожерелок — с веселым, звонким бубенчиком — и новую цепь. К морде пододвинули черепушку — в ней громадный кус тухлого мяса. И помнишь? — ты лопала, ты жрала, ты трескала — пока не раздулась.

⁴ Курник (обл.). Курятник.

⁵ Закута. Всякого рода шалаш, конура, землянка.

⁶ Сгибать крючком.

⁷ Огарнуть (обгарнуть), обл. Окружить или охватить. (Здесь) встретить.

Прыщавый милостиво потрепал тебя по загривку, ты повалилась на спину и задргала всеми четырьмя ногами, позванивая цепью и веселым бубенчиком на ожерелке. Ты лизала руки хозяину. Ты налопалась до отвалу — и что тебе цепь? Ведь ты — дворянка.

У тебя нету слов. Ты только можешь визжать, когда бьют; с хрипом грызть, кого прикажет хозяин; и выть по ночам на горький зеленый месяц.

Но зачем же у тебя такие прекрасные глаза? И в глазах, на дне — такая человечья грустная мудрость?

1917.

Евгений ЗАМЯТИН

COURT THÈME

La femme s'avavançait courbée péniblement sous le poids d'un énorme sac de châtaignes, tandis que son mari se prélassait, ne portant qu'un fusil à la main et un autre en bandoulière ; car il est indigne d'un homme de porter d'autre fardeau que ses armes.

À la vue des soldats, la première pensée de Mateo fut qu'ils venaient pour l'arrêter. Mais pourquoi cette idée ? Mateo avait-il donc quelques démêlés avec la justice ? Non. Il jouissait d'une bonne réputation. C'était, comme on dit, *un particulier bien famé* ; mais il était Corse et montagnard, et il y a peu de Corses montagnards qui, en scrutant bien leur mémoire, n'y trouvent quelque peccadille, telle que coups de fusil, coups de stylet et autres bagatelles. Mateo, plus qu'un autre, avait la conscience nette ; car depuis plus de dix ans il n'avait dirigé son fusil contre un homme.

Prosper Mérimée
Colomba (1840)